

Ю. Николаев

Запросы мысли

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю. Николаев**
Запросы мысли / Ю. Николаев – М.: Книга по Требованию, 2018. – 256 с.

ISBN 978-5-518-00351-4

ISBN 978-5-518-00351-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

1.

Сей родъ ищущихъ Господа...

Псал. XXIII, 6.

Тоска широкой волной разлилась по нашей жизни. Въ унылой, властной тоскѣ слились всѣ разбитыя стремленія человѣка примѣнить къ жизни всѣ смутно ощущаемыя силы, весь гнетъ неудовлетворенія, всѣ обезсиленные полеты обезличенной мысли, всѣ бесплодныя усилія найти смыслъ и цѣну существованія, весь ужасъ мірового страданія.

Въ тоскѣ замираетъ неудержимое стремленіе къ познанію вѣчной Сущности, стремленіе мышленія, сознающаго себя безконечно малой составной частицей великой Сущности и въ ней ищущаго глубины самосознанія. Въ тоскѣ замираетъ вѣчное мучительное невѣдѣніе передъ міровой тайной.

Порою чудится истомленному воображенію, что міръ весь объятъ тоской, что отъ нея тянутся куда-то вверхъ снѣжныя вершины, что о ней поетъ море свою вѣчную пѣснь.

Отъ тоски невѣдѣнія тянется человѣчество къ познанію, какъ окружающая его растительность — къ солнечному свѣту.

Но за расширеннымъ познаніемъ лежитъ гнеть другой тоски,—тоски ужаса передъ раздвинувшимся горизонтомъ, тоски отъ сознанія ничтожности достигнутаго и невозможности вмѣстить тысячной доли раскрывагося познанія, тоски передъ безконечной далью цѣли, тоски атома передъ разверзшейся бездной.

Тоска властвуетъ надъ гордымъ духомъ, возмнившимъ отразить въ себѣ вселенную и чующимъ свое безсиліе познать альфу великой тайны. Тоска, рождающая и стремленіе къ истинѣ и отрицаніе ея, тоска, колеблющая устои мышленія, раскрывающая бессмысленность сущаго. Тоска, толкающая на муки самоанализа, тоска, бросающая къ алтарямъ невѣдомаго Бога!..

Истина не дается, смысла не чувствуется, силамъ простору нѣтъ.

Чѣмъ глубже, въ поискахъ за разгадкой, прозрѣвается жизнь, тѣмъ мучительнѣе загадка, тѣмъ неумолимо яснѣе познаніе разлитой въ міръ скорби.

Надъ мыслью—гнеть тоски; надъ повседневной, не продумываемой, жизнью—гнеть страданія.

Вопль мировой скорби неумолчно раздается и переливается по необъятнымъ равнинамъ, гдѣ горе забывается въ тяжелой работѣ, по дремучимъ чащамъ, гдѣ во мракѣ совершаются насилія и преступленія, и надъ сѣрыми городами, гдѣ столько грязи и стыда. Человѣчество боролось и борется съ холодомъ, съ голодомъ, съ болью; но чѣмъ дальше, тѣмъ виднѣе, что въ этой борьбѣ побѣдителей нѣтъ, и кого щадятъ холодъ, голодъ и насиліе,—того гложетъ тоска. Тоска за всѣхъ и за все, тоска отъ бесплодной жажды служенія и борьбы съ страданіемъ, тоска отъ избытка духовныхъ силъ, не находящихъ примѣненія, тоска отъ гнета неразрѣшимыхъ тайнъ, отъ затхлости опошлившейся жизни,—сѣрая, безвыходная тоска.

Тоска, ведущая къ отрицанію жизни...

Процентъ самоубійствъ растетъ, говоритъ статистика. Въ смерти ищется выходъ изъ-подъ гнета тоски. Но и это послѣднее средство избавленія не даетъ разрѣшенія мучи-

тельныхъ загадокъ. Самоубійство есть отрицаніе личнаго существованія въ данныхъ рамкахъ жизни, но оно не есть разгадка тайны бытія. И завершая единичную жизнь, оно не даетъ отвѣта на вѣчный вопросъ: для чего была эта жизнь, гдѣ былъ ея смыслъ? Да и смерть есть не завершеніе, а продолженіе загадки. Смерть—одна изъ формулъ бытія. Быть можетъ, недаромъ челоуѣчество всегда чуяло въ ней не предѣлъ жизни, а какую-то Ding an sich. И требованіе смысла челоуѣкъ прилагаетъ не только къ жизни, но и къ смерти. Только поэтому за упадкомъ интереса къ жизни, за чувствомъ отвращенія ко всему тому, что эта жизнь можетъ дать, за сознаниемъ безвыходной тоски—не всегда слѣдуетъ самоубійство. Мысль требуетъ разгадки,—въ смерти этой разгадки нѣтъ. И нѣтъ въ ней удовлетворенія исканію смысла, нѣтъ облегченія сознанию безсилія передъ невѣдомымъ и переизбытка силъ, не имѣющихъ примѣненія.

А порою отдѣльная личность только и живетъ сознаниемъ въ себѣ мощи и жаждой для нея выхода и простора. Смутно чувствуетъ она, что для повседневной жизни и ея скромныхъ цѣлей хватило бы десятой доли силъ, смутно ею въ себѣ ощущаемыхъ,—и грызетъ ее тоска. И хотя бы даже это сознание ненужныхъ силъ и безцѣльной энергіи было не насмѣшкой судьбы, а самообманомъ,—все же чаша челоуѣческаго страданія переполняется этой горечью сознаниа загубленныхъ силъ и неусыпнымъ чувствомъ тоски,—*«Le sentiment vague de valoir mieux que sa destinée...»*?)

Это сознание силъ и напрасныхъ даровъ тѣсно связано съ мучительной загадкой смысла жизни. И, не находя смысла существованію, не находя его въ собственной жизни, челоуѣкъ ищетъ его хотя бы въ принесеніи самого себя въ даръ кумиру, идеѣ, красивому образу, повелителю, даже просто любимому существу. Правда, слишкомъ часто даръ цѣлой жизни и избытка силъ слагается у чьихъ-либо ногъ,—и отталкивается съ пренебреженіемъ, какъ не имѣющей цѣны..

Жажда служенія... Въ ней человѣчество искало выхода изъ-подъ гнета тоски. И были во всѣ времена люди, горѣвшіе пламенемъ собственнаго духа за родъ людской и за весь міръ, готовые подъять на себя ношу мірового страданія. Но нынѣ точно ноша эта стала непосильна. И чудныя силы подъ гнетомъ жизненной условности уходятъ на безцѣльные мечтанія, на смутные сны...

Тоска разлилась по нашей жизни, и терзаетъ все то, что не заглушено душевною условностью, что не угасло подъ гнетомъ пошлаго страданія. Тоска охватываетъ жизнь, — а смысла нѣтъ существованію, и мысль замираетъ передъ бездной невѣдомаго, передъ загадочной усмѣшкой сфинкса.

Познаніе приводитъ лишь къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, разрушаетъ возможные идеалы. Религіозныя вѣрованія были вытѣснены наукой. Наука оказалась безсильной удовлетворить всѣмъ запросамъ духа. Попытки украсить сѣрую жизнь культомъ красоты показываютъ лишь ея несостоятельность. Ключъ къ древней мистикѣ утерянъ. И человѣчество блуждаетъ во тьмѣ тоски.

Отрицаніе и тоска! надъ ними раненой птицей кружится мысль. На всѣ попытки созиданія аксіомъ мышленіе отвѣчаетъ взрывомъ тоскливаго отрицанія. Познаніе жизни открываетъ обманчивость всѣхъ теорій, всѣхъ представленій, всѣхъ впечатлѣній: познаніе сути ощущеній раскрываетъ обманы зрѣнія и слуха, игру нервовъ, фантастическую произвольность воображенія; самоанализъ обнажаетъ физиологическую основу мысли и ея теченій, призрачность умственныхъ представленій, основанныхъ на физическихъ явленіяхъ, шаткость логическихъ построеній. Познаніе ведетъ къ рушенію аксіомъ, къ сознанію близости тайны, къ анархїи мысли.

Бездна невѣдѣнія, надъ которой носится духъ тоски.

Но во всемъ, во что когда-либо вѣрило человѣчество, все ли было призрачно? всѣ ли вѣрованія и аксіомы — лишь мечты, взлелѣянные воображеніемъ? Или, быть можетъ, во всемъ, когда-либо опредѣленномъ, когда-либо

продуманномъ, есть проблескъ единой, далекой, недоступной истины?

Отрицаніе старо, какъ первое провѣренное впечатлѣніе. И между тѣмъ какъ все созидаемое человѣческимъ мышленіемъ рушится, лишь скорбный вопль отрицанія и невѣдѣнія оглашаетъ всѣ вѣка, и близьокъ человѣческому духу, и будить въ немъ сознаніе его глубины и гордости неудовлетворенія.

Нѣтъ новаго познанія, которое не было бы предугадано воплемъ отрицанія. Новое слово можетъ быть сказано въ кодексѣ морали, въ основныхъ понятіяхъ мышленія, но не въ отрицаніи. И величайшимъ сомнѣніемъ позднѣйшаго времени была мысль, будто оно познало скептицизмъ, сомнѣніе, искони неразрывно связанное со всякой вольной мыслью.

Какой эпитафій къ скорбной книгѣ невѣдѣнія и тоски можно найти лучше вѣками отъ насъ отдаленнаго вопля презрительнаго сомнѣнія, когда-то приписаннаго самому премудрому царю Соломону, пресыщенному, во всемъ извѣрившемуся, утомленному жизнью?...

«Суета суетствій, рече Екклесіастъ: суета суетствій, всяческая суета.

«Кое изобиліе человѣку во всемъ трудѣ его, имже трудится подъ солнцемъ?

«Родъ переходитъ, и родъ приходитъ, а земля во вѣки стоитъ...

«Вся словеса трудна, не возможетъ мужъ глаголати: и не насытится око зрѣти, ни исполнится ухо слышанія.

«Что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотвореное, тожде иматъ сотворитися.

«И ничтоже ново подъ солнцемъ, иже возглаголетъ и речетъ: се сіе ново есть, уже бысть въ вѣдѣхъ бывшихъ прежде насъ.

«Нѣсть память первыхъ, и послѣднимъ бывшимъ не будетъ ихъ памяти съ будущими на послѣдокъ.

«Азъ Екклесіастъ быхъ царь надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ,

«И вдахъ сердце мое, еже взыскати и разсмотрити въ мудрости о всѣхъ бывающихъ подъ небесемъ: яко попеченіе лукаво даде Богъ сыномъ чловѣческимъ, еже упряднятися въ немъ.

«Видѣхъ всяческая сотворенія сотворенная подъ солнцемъ: и се вся суетство и произволеніе духа.

«Развращенное не можетъ исправитися, и лишеніе не можетъ исчислитися.

«Глаголахъ азъ въ сердцѣ моемъ, еже рещи: се азъ возвеличихся и умножихъ мудрость паче всѣхъ, иже быша прежде мене во Іерусалимѣ.

«И сердце мое вдахъ, еже вѣдѣти премудрость и разумъ: и сердце мое видѣ многая, премудрость и разумъ, притчи и хитрость: уразумѣхъ азъ, яко и сіе есть произволеніе духа.

«Яко во множествѣ мудрости множество разума, и приложивый разумъ, приложить болѣзнь...

«И возненавидѣхъ животь: яко лукавно мнѣ сотвореніе сотворенное подъ солнцемъ: понеже всяческая суета и произволеніе духа.

«И возненавидѣхъ азъ всяческая міра, и трудъ мой, имже азъ труждаюся подъ солнцемъ, яко оставляю его чловѣку будущему по мнѣ...

«Рѣхъ азъ въ сердцы моемъ, о глаголаніи сыновъ чловѣческихъ, яко разсудить ихъ Богъ: и еже показати, яко сии скоти суть,

«Ибо и тѣмъ якоже случай сыновъ чловѣческихъ, и случай скотскій, случай единъ имъ: якоже смерть того, тако и смерть сего, и духъ единъ во всѣхъ: и что излише имать чловѣкъ паче скота? ничтоже: яко всяческая суета.

«Вся идутъ въ едино мѣсто: вся быша отъ персти, и вся въ персть возвращаются.

«И кто вѣсть духъ сыновъ чловѣческихъ, аще той восходитъ горѣ? и духъ скотскій, аще низходитъ долу въ землю?...

«Яко въ суетѣ приде, и во тму идетъ, и во тмѣ имя его покрывается...

«Да не речеши: что бысть, яко днѣ прежднѣи бѣша блази паче сихъ? яко не въ мудрости вопросилъ еси о семъ...

«Всяческая видѣхъ во днехъ суетствія моего: есть праведный погибаяй во своей правдѣ: и есть нечестивый пребываяй во своей злобѣ...

«Случай единъ праведному и нечестивому, благому и злomu, и чистому и нечистому, и жрущему и нежрущему: якоже благій, тако согрѣшаяй, якоже кленыйся, тако бо-ййся клятвы.

«Сіе лукаво во всякомъ сотворенномъ подъ солнцемъ, яко случай единъ всѣмъ...

«Обратихся и видѣхъ подъ солнцемъ, яко ни легкимъ теченіе, ниже сильнымъ брань, ниже самому мудрому хлѣбъ, ниже разумнымъ богатство, ниже вѣдущымъ благодать: яко время и случай случится всѣмъ симъ...

«Суета суетствій, рече Екклесіастъ, всяческая суета» *).

2.

*Ich bin der Geist, der stets verneint! *)*.

Goethe, Mephist. im Faust, I.

Невѣдомое сомкнулось вокругъ человѣческаго мышленія неприступной стѣной; объ эту стѣну разбивается и всякое утвержденіе и всякое отрицаніе. И порою человѣчество старается отвернуться отъ невѣдомаго, заглушить порывъ къ борьбѣ съ мировыми тайнами, и къ познанію, и къ отрицанію. Но чувствуетъ, что лучшая доля не того, кто смиренно

*) Екклес. I, 2—4, 8—18. II, 17—18. III, 18—21. VI, 4. VII, 11 и 16. IX, 2—3, 11. XII, 8.

присѣлъ у неприступной стѣны и ждетъ своей участи, а того, кто бьется головой объ эту стѣну и, смертельно разбивая себя, воображаетъ, что она вотъ—вотъ разступится или рухнетъ. Такимъ воображеніемъ озаряется сознание и въ повседневной жизни, и въ борьбѣ съ загадками невѣдомаго.

Но въ душевной современной жизни порывъ къ непознаваемому возбуждаетъ смѣхъ. Человѣчество хочетъ отдѣлаться отъ страданія. А въ тоскѣ по истинѣ и познаніи—ноша глубокой міровой скорби. И эта облагораживающая тоска вытравляется изъ жизни, уступая мѣсто безотрадной унылой пошлости, и, отрицая страданіе, человѣчество отрѣшается отъ собственнаго благородства.

Car c'est encore, Seigneur, le meilleur témoignage,
Que nous puissions donner de notre dignité,
Que cet ardent sanglot qui roule d'âge en âge
Et vient mourir au bord de votre éternité *) 4).

Отрицаніе міровой тоски безсильно противъ ея гнета, рожденнаго отрицаніемъ же. Противъ этой тоски человѣчество избрало оружіемъ смѣхъ. Смѣхъ непониманія хочетъ замѣнить отрицаніе, выстраданное человѣческимъ мышленіемъ, являющееся конечнымъ пунктомъ всякаго мучительнаго исканія истины.

Но въ смѣхѣ отрицанія нѣтъ; въ немъ можетъ быть одно лишь непониманіе. Въ смѣхѣ можно подразумѣвать, что смѣющійся стоитъ на твердой почвѣ, осмѣивая все неподходящее къ его уровню. Но нѣтъ твердой почвы мышленія, нѣтъ для него точки опоры, нѣтъ критерія, по которому можно было бы осмѣять что-либо смутное, неясное, нерѣшенное, непонятное, тянущее человѣка къ борьбѣ съ невѣдомымъ. Когда пресловутый здравый смыслъ ставится критеріемъ, онъ является лишь близорукимъ непониманіемъ. И если наша жизнь нашла, что нѣтъ ничего такого, чего

*) Ch. Baudelaire, *Fleurs du mal*.

нельзя было бы осмѣять, зато отрицаніе охватываетъ самый непонимающій смѣхъ. Тоскующая, всеотрицающая мысль отрицаетъ смѣхъ.

Человѣчество захотѣло отвернуться отъ страданія и мировой тоски, и толпа осмѣяла мучительные порывы къ истинѣ, и тысячелѣтній мистицизмъ, и созерцаніе, и страстное болѣзненное отрицаніе, и страдальческую чуткость, и гордость духа сильныхъ, и страхъ малодушныхъ передъ почуянной бездной. Но зато жизнь придавилась гнетомъ убійственнаго опошляющаго смѣха.

Мысль отрицаетъ смѣхъ, возмнившій себя отрицаніемъ. Но вмѣстѣ со смѣхомъ приходится отрицать жизнь, сложившуюся подъ его гнетомъ, нестерпимо душную условность жизни, по которой разлился смѣхъ и боязнь осмѣянія.

Смѣхъ—бичъ нашего времени. Люди боятся смѣшного, а избытокъ осмѣянія породилъ такое благоговѣйное отношеніе къ пошлымъ мелочамъ жизни, какого міръ еще не видалъ. И мысль бьется въ тискахъ условности, и рвется на просторъ съ воплемъ всеохватывающаго отрицанія.

Все непонятное смѣшно; смѣшны, пожалуй, разбивающіе себя объ завѣдомо непрístupную стѣну непознаваемаго. Но жизнь, отвергшая все недоступное, осѣвшая въ непониманіи,—заполнилась горшимъ жгучимъ смѣхомъ; повседневный житейскій обиходъ вылился въ рядъ абсурдовъ, гдѣ нѣтъ мѣста ни разсудку, ни здравому смыслу. Никогда житейскія условности не были такъ смѣшны, какъ нынѣ, когда общественныя отношенія сводятся къ боязни очутиться въ смѣшномъ положеніи или выказаться съ смѣшной стороны, когда этика обратилась въ ложный стыдъ, когда человѣку легче совершить проступокъ противъ нравственнаго чувства, чѣмъ противъ кодекса общественныхъ приличій. Культурныя понятія о приличіяхъ, о стыдливости, о чести и честности представляютъ лишь рядъ курьезовъ. Честь сводится вся къ боязни оказаться смѣшнымъ или слабымъ, къ охранѣ, подъ именемъ достоинства, своего престижа сильнаго человѣка: поэтому полученный ударъ влечетъ за

собой поворотъ для обиженнаго, «смыаемый» только дуэлью: критерій порядочности, опредѣляемый физической неприкосновенностью, и по которому ни Тимостокль съ его легендарнымъ «бей, но выслушай», -- ни апостоль Павелъ, гордившійся полученными ударами *), ни многіе другіе истинно сильные духомъ не могли бы быть признаны «джентльменами». Честь оказывается хрупкимъ сосудомъ, дающимъ трещину при всякой случайности. А что сказать о восстановленіи ея путемъ обмѣна безрезультатныхъ выстрѣловъ подъ именемъ дуэли, когда - то дѣйствительно имѣвшей смыслъ, какъ съ вѣрой принимаемая форма Божьяго суда?

Честность не менѣе хрупка. Подъ денежною честностью кроется обожествленіе денегъ: только культомъ Мамоны можно объяснить тотъ ужасъ передъ воровствомъ, который карманнаго воришку шельмуетъ и исключаетъ изъ того культурнаго общества, гдѣ терпимо убійство, насиліе, клевета, предательство и всякая нравственная подлость. Только культомъ Мамоны можно объяснить позоръ, связанный съ выпрашиваніемъ милостыни, стыдъ бѣдности и прочія проявленія благоговѣнія передъ деньгами, вплоть до той сконфуженной деликатности, съ которой порядочные люди говорятъ о деньгахъ.

Понятія о приличіи — сплошной курьёвъ, да и можетъ ли быть иначе при чудовищномъ деспотизмѣ моды, передъ которымъ преклонилось все, деспотизмѣ небываломъ по своей нелѣпости и гнетущемъ жизнь даже во всѣхъ ея мелочахъ?

Условность жизни, закабаленной боязнью смѣха, — то скливо смѣшна и нестерпимо душна. Нѣтъ просвѣтлѣнія въ этическихъ началахъ, основанныхъ на позорѣ униженныхъ, а не унизителей, оскорбленныхъ, а не оскорбителей. А отъ избытка боязни осмѣянія жгучее чувство униженія развилось неслыханнымъ образомъ. Никогда мелкое себя-

*) «Отъ іудей пятькраты четыредесять развѣ единия пріяхъ, трици палицами биень быхъ... и т. д. (2 Кор. XI, 24—25).